

Ирина Щеглова

Чертова ловушка

Ирина Щеглова
Чертова ловушка

«Автор»

2011

Щеглова И. В.

Чертова ловушка / И. В. Щеглова — «Автор», 2011

ISBN 978-5-699-46351-0

Сначала Ксюха страдала от скуки. Казалось, летом в деревне абсолютно нечего делать. Но потом... Когда все изменилось? После того, как Ксюха познакомилась с Наташей? Или когда не поверила рассказам новой подружки о ведьме и колдуне, которые якобы живут неподалеку? Современная городская девчонка не стала обращать внимания на суеверия... и очень скоро оказалась в самом центре непонятных, пугающих событий. Сонная летняя тишина таила в себе серьезную опасность!

ISBN 978-5-699-46351-0

© Щеглова И. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Щеглова

Чертова ловушка

Глава 1

Соседка

Ксюха сидела на высоком рассохшемся крыльце, уперев локти в колени, и с тоской смотрела на пыльную улицу. В послеполуденное время деревня изнывала от жары. Солнце пекло так, что, казалось, выгорели все краски лета. Только редкая тень старой вишни в углу двора падала на невытопанную мураву, и та оставалась зеленой.

Ксюха уже битый час наблюдала за тем, как медленно ползет тень от вишни, как она вытягивается и густеет, обещая когда-нибудь добраться до крыльца.

Скуотища!

Мертвая тишина. Пустая улица, даже кур не видно. Ксюхина бабушка легла, по обыкновению, вздремнуть. А Ксюха, не привычная к такой бездарной трате времени, спать не могла и не хотела. Вот уже неделю она честно отсиживала в деревне. «Как в ссылке», – думала Ксюха.

Родители были категоричны: лучше поскучать в деревне, чем задыхаться в городской жаре. Опять же: свежий воздух, натуральные продукты, да и бабушке будет не так скучно.

Дом, купленный по случаю, еще в прошлом году, родители и бабушка с энтузиазмом называли загородным. Хотя до города – три дня лесом и четыре полем. Это был самый обычный деревенский дом: старый, даже, можно сказать, ветхий, с маленькими окошками, глядящими на улицу, с высоким крыльцом из серых досок, чердаком и крышей, крытой шифером. Наличивалась в доме закопченная печь, кое-какая утварь, оставшаяся от прежних хозяев, чулан, набитый всяким хламом... В общем, ничего интересного. Ксюха все проверила. Хлам родители частично выбросили, частично вынесли в сарай, печку побелили. Отец кое-как укрепил крыльцо; привезли из города старую мебель, вымыли окна, повесили занавески.

– Не жизнь, а сказка, – мечтательно сказала мама, устроившись в новеньком гамаке, натянутом между крепкими стволами груш в саду. Правда, долго ей так покойфовать не удалось. Дом постоянно требовал к себе внимания. То печь дымила, то половицы проваливались, то в подполе появлялась вода. Так что в прошлом году пришлось нанять рабочих, они что-то там такое делали, ремонтировали, исправляли, копали колодец, чистили нужник. Да-да, удобства были на улице! А еще следовало подправить забор, привезти земли и песка, заняться садом и огородом.

Естественно, у родителей не хватало на все это ни времени, ни денег. Зато бабушка была счастлива.

– Вот теперь-то мы с тобой, Ксюшенька, поедem на все лето в деревню! – обещала она. – Теперь-то у нас свой домик есть! А уж мы-то заживем!

Ксюха не испытывала особого желания жить «в своем домку» – или «домке»? Подруги – кто за границу, кто на море уехал, а она? Все лето сидеть в глухой деревне?

Бывшие хозяева, продавая дом, с умилением приговаривали:

– У нас тут тишь, да гладь, да божья благодать!

Не соврали. Более тоскливого места Ксюха даже представить себе не могла. Такая тишь, что мухи со скуки дохнут!

Весной бабушка посадила рассаду и теперь ухаживала за ней с особым рвением. Тут у нее цветочки, тут огурчики, тут помидорчики... Грядочки, колышки, подвязка, подрезка, окучка, сорняки! О ужас!

Утром и вечером Ксюха скрепя сердце помогала любимой бабушке ухаживать за растениями (будь они трижды неладны!). Еще в ее обязанности входила покупка молока и яиц у соседки тетки Надежды. А все остальное время она была предоставлена самой себе.

Один раз Ксюха тайком от бабушки сбегала на речку. Зной ее доконал, хотелось окунуться в прохладную быструю воду, а потом полежать на песке или на травке, послушать стрекот кузнечиков... Куда там! Весь пляж был истоптан и загажен коровами, видимо, они приходили сюда на водопой. Ксюха искала другой спуск к воде, где было бы почище, но натолкнулась на компанию угрюмо пьянствующих взрослых парней, испугалась и поспешила убраться восвояси.

«Вот тебе и деревенская жизнь! – думала Ксюха, – лесные прогулки за земляникой, походы за грибами, купание в реке... Даже поговорить не с кем!»

Бабушка да тетка Надежда – вот и все ее собеседники. Если учесть, что из тетки Надежды слова не вытянешь, то остается одна бабушка.

И теперь Ксюхе не оставалось ничего другого, как сидеть на крыльце и наблюдать за медленно ползущей тенью.

Ксюха с досадой отвернулась от тени и увидела чьи-то загорелые ступни в голубых сланцах. Ксюха подняла голову, скользнула глазами по крепким ногам, линиям подолу зеленого сарафана... удивленно выпрямилась и столкнулась взглядом с незнакомой девчонкой. Девчонка улыбалась: улыбались ее многочисленные веснушки, ее выгоревшие на солнце волосы, светло-серые глаза под белесыми бровями.

– Привет, – поздоровалась девчонка.

– Привет, – неуверенно ответила Ксюха.

– А я смотрю, ты сидишь, – затараторила незнакомка, – дай, думаю, подойду. Тебя ведь Ксенией зовут?

– Да, – ответила Ксюха.

– Я знаю, – обрадовалась девчонка, – у нас тут все всё про всех знают. А я – Наташа. Вон там мой дом, видишь? – и она махнула рукой.

Ксюха проследила за ее жестом и догадалась:

– Через дорогу, наискосок?

– Ага, – кивнула девчонка, – вот я и говорю, увидела тебя из-за забора. Уже неделю, как вы приехали, а мы с тобой до сих пор не познакомились.

Ксюха с удивлением рассматривала эту чудную Наташу в линиялом сарафане и не знала, что сказать.

– Ты ведь не гордая? – уточнила Наташа.

– Нет...

– Я так и подумала, что ты нормальная, а то ведь люди бывают разные...

Она как-то боком придвинулась, подошла вплотную к крыльцу и уселась ступенькой ниже. Ксюха поспешно поджала ноги, давая ей место.

Наташа устроилась, откинулась назад, положив локти на ступеньку, прямо как в кресле.

– Ну как? Обжились? – жмурясь на солнце, спросила Наташа.

– Да вроде, – неуверенно ответила Ксюха.

Она думала, что Наташа и дальше поведет светский разговор, будет расспрашивать ее о городе, школе, о ее друзьях, но та вдруг резко подалась к ней, схватила за плечо, притянула к себе:

– Видела кого-нибудь? – Ксюха заметила неподдельную тревогу в ее глазах, и даже не тревогу, а страх, и сама почему-то испугалась:

– Нет, я никого не видела, – шепотом ответила она.

Наташа отпустила ее плечо, снова раскинулась на ступенях и с досадой произнесла:

– Хоть бы котеночка завели! Эх вы, городские!

– А мы и хотели, – начала оправдываться Ксюха, – только у мамы аллергия на шерсть, вот и передумали.

– Да где мама-то?! – возмутилась Наташа. – В городе! А вы – тут!

– Бабушка сказала, что мы в следующем году кур разведем, – совсем уж растерялась Ксюха.

– Кур? – искренне удивилась Наташа. – Да при чем тут куры?!

– Ну, я думала, ты о животных говоришь...

Наташа досадливо отмахнулась:

– Слушай, ты ведь у тетки Надежды молоко берешь?

– Да, а что?

– И что же, она тебе ничего не говорила? – продолжала допытываться гостя.

– Да так, много чего, – Ксюха уже отчаялась понять, чего от нее добивается эта странная девчонка.

– Понятно... Все боятся, – еле слышно добавила Наташа.

– Кто боится? Чего?! – не выдержала Ксюха. – Да говори ты толком!

Наташа оглянулась по сторонам, снова притянула к себе Ксюху и зашептала что-то совсем уж несусветное:

– Ты вот что: первым делом с домовым подружись, поняла? Молочка, там, ему налей, попроси о помощи, – горячо дышала она прямо в ухо Ксюхе, – он, конечно, сделать ничего не сможет, но предупредит, если что... Теперь дальше...

У Ксюхи мурашки пошли по коже: какой домовой?! О чем предупредит?!

– Наташ, ты меня проверяешь, что ли? – напряженно засмеялась она. – Я уже не ребенок, в сказки не верю.

Наташа осеклась, нахмурилась:

– Вот ведь упрямая! – Она оттолкнула Ксюху. – Кто тебя проверяет? Я? Да я – единственная тут, кто тебе помочь хочет! Никто ведь со страху рта не раскроет! Иконы-то хоть в доме есть? – без особой надежды спросила она.

– Ну, у бабушки, кажется, есть, – Ксюха поежилась. Наташа говорила так убедительно, что Ксюха ощутила, что к ней подступает настоящий страх, безотчетный, необъяснимый. – Наташ, зачем ты меня пугаешь? – сквозь зубы спросила она. – Я, честно говоря, и так плохо сплю.

Спала Ксюха действительно плохо, то ли от жары, то ли от скуки, она и сама не знала. Подолгу лежала в темноте, забываясь лишь под утро. Ей все казалось, что под окнами кто-то бродит. Бабушке сказала, а та только посмеялась: кому тут бродить, может, кошка соседская...

– И правильно, не спи! Не спи! – убежденно добавила Наташа. – А то заявится, капнет черным воском, и все... Хотя если придет, то и бессонница тебе не поможет.

– Что?! – Ксюха вскочила и, прыгнув с крыльца, уставилась на Наташу. – Ты это специально, да?

– Испугалась, наконец, – невесело усмехнулась Наташа, – только я тебе вот что скажу: лучше бы тебе отсюда уехать и бабушку увезти. Недоброе тут место! И помочь вам некому. Была бы жива баба Люба...

– Кто такая баба Люба? – машинально спросила Ксюха.

– Так, хозяйка дома... бывшая, – поправилась Наташа, – а ты разве не знала?

– Как звали хозяйку? Баба Люба? – переспросила Ксюха. – Нет, конечно. Родители дом покупали, откуда мне-то знать... я и не интересовалась этим никогда.

Наташа задумалась, замолчала, глядя куда-то в сторону. Ксюха не выдержала.

– Наташ, – негромко позвала она, – ты что сказать-то хотела? Про бабу Любу?

Если бы не Наташина серьезность, Ксюха подумала бы, что та ее просто разыгрывает. Она была наслышана о том, как деревенские любят пугать приезжих всякими страшилками.

– Дом хороший, – вдруг как-то ни к селу ни к городу заметила Наташа, – и баба Люба была очень хорошая... Только ее и боялась эта тварь! – и, вновь взглянув на Ксюху, она уточнила: – Значит, говоришь, никто не приходил? Ночью вас не тревожили?

– Говорю же – нет, – раздраженно ответила Ксюха, – я бы услышала, потому что сплю плохо.

И вдруг краешком сознания она уловила какое-то воспоминание, нет, скорее сон, даже кусочек сна. Видимо, она задремала, и ей приснилась девушка в белом платье, и она все звала Ксюху играть в жмурки. Смешно... почему в жмурки?

Точно, она стояла под окном и смотрела прямо на Ксюху, и платье на ней такое было, вроде свадебного, да... вот только без фаты, а так – вылитая невеста. Интересно, к чему такие сны снятся?

– Ну ладно, с бабой Любой понятно, а кого это ты тварью назвала? – заинтересовалась Ксюха.

– Есть тут у нас одна такая, – недовольно буркнула Наташа, – Хаврониха...

Глава 2

Расстановка сил

Ксюха снова присела на крыльцо. Ей было немного стыдно за себя. Надо же, она уже готова была испугаться, поверила местной девчонке! Хотя это даже забавно, хоть какое-то общение. Страх прошел, скука отступила. И Ксюха с удовольствием собралась послушать деревенские сплетни.

За ними дело не стало. Наташа, судя по всему, любила поболтать.

Хаврониху все считали ведьмой. Ну, это понятно, в деревне все на виду, и если у женщины вздорный характер и она с соседями не ладит, известное дело – ведьма! Наташа, прикрывая ладошкой рот, шептала:

– За ней это давно заметили! Еще когда она молодая была. Говорят, первой красавицей слыла, парни табунами за ней ходили. А замуж она так и не вышла. Почему? Если ей у нас никто не нравился, так ехала бы в город или еще куда. Она же в школе отличницей была, в любой институт могла поступить, а она зачем-то здесь осталась. Работала секретарем в колхозном правлении...

Ксюха помалкивала. Начнешь спорить – ничего не узнаешь. Вот интересные люди эти деревенские: если девушка замуж не выходит, то ее сразу в ведьмы записывают. А может, ей просто никто не нравился! Или и правда характер у нее был стервозный. Всякое бывает.

А Наташа явно увлеклась и трещала без умолку:

– Они – Хаврины – все такие. У нас каждый о них знает. Хаврониха с матерью жила, отца-то, говорят, никакого у нее и не было... И мать ее тоже без отца выросла... Так вот, она все болела, мать то есть. Долго болела! А пока болела, учила свою дочку. Люди врать не станут, видели, как обе Хавронихи, молодая и старая, по ночам на кладбище шастали и на лугу голые кувыркались, по росе, значит... В реке тоже так купались, без одежды...

Ксюха не выдержала и фыркнула.

– Ты чего ржешь?! – прикрикнула на нее Наташа. – В полнолуние их видели, обеих! Голые, и ведрами из реки воду черпали. Лунная вода, она знаешь какая сильная?!

Ксюха отрицательно покачала головой.

– Вот именно! И еще говорили, что глаза у них светились в темноте, как у кошек, – зеленым.

– А разве у ведьм не красные глаза? – невинным тоном спросила Ксюха.

– Красные – у упырей, – объяснила Наташа.

– А-а...

Ксюха слушала ее и представляла себе зеленоглазую красавицу, купающуюся голышом в лунной воде. Это было красиво, романтично и загадочно.

– И еще она свиньей оборачивается, – услышала Ксюха. Романтический образ мгновенно испарился, уступив место грязной хавронье, развалившейся в луже. Фу! И чего только люди не придумают!

Да что – свинья! – разошлась Наташа. – Хаврониха в кого хочешь может обернуться!

– Значит, она не ведьма, а оборотень, – Ксюха решила блеснуть своими познаниями, почерпнутыми ею из Интернета.

– А как ни назови, – огрызнулась Наташа, – только тварь она и гадина!

За их спинами скрипнула дверь. Наташа вздрогнула, а Ксюха обернулась и, увидев бабушку, представила ей свою гостью:

– Ба, это наша соседка – Наташа. Наташ, а это моя бабушка, Алевтина Гавриловна.

Даже сквозь загар Ксюха заметила, как побледнела Наташа. И только когда бабушка, улыбаясь, поздоровалась с ней, девчонку немного отпустило. Чего же она так испугалась?

– Вот и прекрасно! – обрадовалась бабушка. – Ксения, теперь тебе хоть есть с кем погулять, а то сидишь сиднем целыми днями.

Наташа степенно встала, деловито одернула подол, буркнула: «Очень приятно», – и, обратившись к Ксюхе, сказала:

– Ладно, некогда мне, пойду... Ты это, Ксения, – помни!

Наташа кивнула Алевтине Гавриловне, повернулась и медленно пошла через дорогу к своему дому.

Ксюха совершенно растерялась. Вот и поговорили! Пришла неожиданно и ушла внезапно.

– Наташ! – крикнула она обиженно.

Девчонка обернулась, махнула рукой.

– Я еще зайду, – пообещала она.

Ксюха недоуменно смотрела ей вслед.

– Видишь, какая правильная девочка, – назидательно заметила бабушка, – домой торопится, потому что работы много. А в деревне все работают, тут никто не отлынивает. Не то что мы... – бабушка сокрушенно вздохнула. – Ты с ней подружись!

– Подружись с ней, – чуть слышно произнесла Ксюха.

– Ну, идем полдничать, – позвала бабушка.

– Я что-то не хочу, жарко, – отказалась Ксюха.

– Так сходи в душ, освежись, – посоветовала бабушка. – Вам не угодишь, – пробормотала она, – летом – жарко, зимой – холодно...

Она вернулась в дом, а Ксюха осталась сидеть на крыльце. Но она больше не наблюдала за тенью от дерева, ее занимали совсем другие мысли. Что эта Наташа ей такого наговорила? Хаврониха, баба Люба, упыри, лунная вода, черный воск... Да еще и домового приплела! Предупреждала ее о чем-то, расспрашивала... Не приходил ли кто? Да кто к ним придет? Они же тут без году неделя. Соседские куры разрыли бабушкину рассаду, ночью кто-то залез в сарай, но ничего не пропало, наверное, это просто хулиганы какие-то были или мальчишки местные, да еще чья-то свинья в мусорной куче, что за огородом, копалась...

Свинья?

Наташа говорила, что Хаврониха может превращаться в свинью... постой-ка: свинья – хавронья, Хаврониха...

Холодок пробежал по позвоночнику. Ксюха замотала головой, прогоняя наваждение. Это же деревня! Что же ей теперь, в каждой свинье подозревать ведьму? Чушь какая в голову лезет!

Ксюха решительно встала с крыльца и отправилась в душ.

Душ представлял собой примитивное сооружение из бака для воды и распылителя, под ногами – деревянная решетка, вместо стен – клеенчатая занавеска. Воду можно было накачать из колодца; использованная вода убегала по бетонному желобу за забор, на общий пустырь, куда все всё выбрасывали.

Ксюха разделась и повернула вентиль. За день вода нагрелась – почти горячая, как дома. «Да, вот на речку бы сейчас сходить, – мечтательно подумала Ксюха. – Но не одной же!»

В одном Наташа была права: лучше бы Ксюхе уехать отсюда, иначе еще немного – и она сойдет с ума от скуки и примется охотиться на свиней и купаться нагишом в речке. Пусть про нее тоже говорят, что она ведьма!

Бедная женщина эта Хаврониха. Занималась оздоровительной гимнастикой, маму свою пыталась вылечить, а эта темнота деревенская тут же все поставила с ног на голову.

Ксюха выключила воду, вытерлась насухо, натянула топ и шорты и отдернула занавеску.

Свинью она увидела сразу. Та стояла за забором и в упор смотрела на Ксюху.

В первый момент Ксюха испугалась. Ей даже показалось, что взгляд у свиньи какой-то подозрительно человеческий. Но она тут же одернула себя. Еще не хватало! Пугаться свиньи!

– А ну пошла отсюда! – для верности Ксюха подняла комок земли и запустила им в хрюшку. Та даже не пошевелилась, зато Ксюха увидела, как свинья дернула рылом и показала клыки.

– Ах ты! Скотина! Ты мне еще угрожать будешь? – разозлилась Ксюха.

У душевой кто-то оставил лопату, Ксюха схватила ее и, воинственно размахивая этим орудием труда, двинулась на свинью. Их разделял хлипкий штакетник. Ксюха остановилась и ткнула лопатой в сторону свиньи.

– Ну! – прикрикнула она. – Вали отсюда!

Свинья вдруг разразилась громким хрюканьем и визгом, причем Ксюхе показалось, будто та ругает ее последними словами. А потом произошло невероятное. Свинья, наклонив башку, поперла прямо на Ксюху!

– Ой, мамочки! – лопата полетела в сторону, а сама Ксюха понеслась прочь, нещадно вытаптывая бабушкины грядки.

Ее остановила бабушка.

– Ксения, что же ты творишь?! – возмутилась она.

– Ба! За мной свинья гонится! – крикнула Ксюха.

– Какая свинья? – искренне удивилась бабушка.

– Там! – Задышавшись от страха, Ксюха махнула рукой и обернулась. Свиньи не было! Она не сваливала забор и не гналась за Ксюхой. Но ведь Ксюха могла бы поклясться в том, что слышала за своей спиной топот и визг!

Бабушка покачала головой.

– А я-то думала, ты уже взрослая, – вздохнула она.

– Ба, но я же правду говорю! – чуть не заплакала Ксюха. – Она бросилась прямо на меня, и если бы не забор...

– С чего бы это она на тебя бросилась? – Бабушка с беспокойством посмотрела в сторону пустыря. – И чья это свинья, интересно?

– Я ее отогнать хотела, – ответила Ксюха, – пригрозила ей лопатой, она и кинулась на меня.

– Ах, Ксения, зачем же ты дразнила животное? – возмутилась бабушка. – Нет, надо пойти посмотреть, а то действительно она еще свалит забор, и тогда от моего огорода ничего не останется.

И бабушка, возмущенно что-то бормоча, направилась к злополучному забору. Ксюха нехотя поплелась следом. Все-таки нельзя бабушку оставлять один на один с этой жуткой свиньей.

Но за забором никого не было, лишь валялась брошенная Ксюхой лопата.

Этой лопатой Ксюха до вечера поправляла грядки под присмотром обиженной бабушки.

За ужином бабушка перестала обижаться. Она попивала свежесваренный чай со смородиновым листом и благодумствовала.

– Ба, а как ты думаешь, у нас домовой живет? – спросила Ксюха.

Бабушка хитро улыбнулась:

– Ой, не знаю... Конечно, все это сказки, но... я на всякий случай ставлю за печку молоко и печенье.

– Что? – Ксюха засмеялась. – Не думала я, что ты у нас такая суеверная!

Бабушка поджала губы.

– Не в суеверии дело, – ответила она, – а в общем настрое, понимаешь?

– Не очень, – призналась Ксюха.

– Как же! Ведь мы приехали в деревню, в чужой дом, теперь мы этот дом обживаем, он привыкает к нам, мы – к нему. Все надо делать по правилам. Знаешь, как говорят: в чужой монастырь со своим уставом не лезь. Так и тут.

Ксюха улыбнулась.

– Значит, ты все-таки веришь в домового, – сказала она. – Ну и как? Нравится ему твое угощение?

Бабушка смущенно пожала плечами.

– Первые дня три все оставалось нетронутым, а потом я заметила: печенье пропало, – бабушка усмехнулась и добавила: – Наверное, мышка утащила.

– А может, она и есть – домовый? – подхватила Ксюха. – Слушай, ба, а давай я сегодня ему угощение оставлю. Мне ведь тоже надо с домовым подружиться!

– Ну оставь, – рассмеялась бабушка, – он тебе за это хорошие сны покажет.

«Да, хороших снов мне хотелось бы, – подумала Ксюха, отчаянно зевая. – Но как же Наташино предупреждение? Она-то как раз советовала не спать, да еще что-то о черном воске говорила... Нет, об этом лучше не думать, а то я снова не усну, вот привязалось же!»

Ксюха покорно вымыла посуду, после чего заглянула за печку и, усмехаясь про себя, поставила на пол блюдо с молоком, а рядом – печенье и шоколадную конфету во второе блюдо положила. Подумала и развернула ее. Вдруг домовый не догадается и слопает конфету с оберткой? А это не очень-то вкусно. Попыталась вспомнить какой-нибудь приговор, в голове крутились обрывки, вычитанные из книг, но – ничего определенного. Тогда Ксюха прошептала:

– Дедушка домовый, вот тебе угощение. Попробуй конфету, она очень вкусная!

Вздыхнула удовлетворенно и отправилась в большую комнату смотреть телевизор, больше-то делать было нечего.

Наташа в тот день больше так и не появилась.

Глава 3

Жмурки

Она вновь не могла уснуть. Ворочалась, поправляла подушку, считала баранов, досчитала до ста – и бросила. Бараны ей надоели. Попыталась думать о чем-нибудь приятном: скоро родители пойдут в отпуск, отец обещал поездку на Кипр... Вот было бы здорово! Уж там-то Ксюха найдет чем заняться. Опять же, будет о чем рассказать одноклассникам.

Ксюха зажмурилась, пытаясь представить себе сказочный остров, бирюзовое море, залитый солнцем пляж...

Ей это почти удалось. Она уже брела по горячему песку, морской ветер развеивал ее волосы, а впереди... кто там идет ей навстречу? Все ближе, ближе...

Это была она, давешняя девушка из сна, похожая на невесту. Только сейчас Ксюха заметила, как пообтрепалось нарядное некогда платье, оно утратило свою белизну, пожелтело, кое-где покрылось пятнами. Девушка придерживала длинную тяжелую юбку обеими руками и, проваливаясь босыми ногами в песок, с трудом продвигалась вперед.

Вот она совсем рядом. Лицо бесстрастное, бледное, отстраненный взгляд, как будто она смотрит сквозь тебя.

– Давай играть в жмурки, – произносит девушка монотонно, почти механически, как кукла.

«Вот именно, как кукла!» – думает Ксюха.

– Почему в жмурки? – оторопело спрашивает она.

– Ты спрячешься, я найду...

– В жмурки не так играют, – зачем-то объясняет ей Ксюха. И понимает, что нет никакого пляжа, а стоит она у окна и смотрит на улицу, точнее, смотрит она на девушку, а та поднимает руки и тянется к Ксюхе; руки ее удлиняются, длинные ногти с облезшим лаком царапают стекло.

– Впусти меня! – требует девушка.

Ксюха, словно примерзнув к полу, стоит, не будучи в силах пошевелиться, и смотрит, как синие пальцы, подобно паукам, взбираются по стеклу, достигают форточки, проникают в нее, руки девушки змеятся, скользят по окну...

– Отдай, отдай! – стонет мертвая невеста.

– Мама, мамочка, господи! – шепчет Ксюха. В дом проникает густой запах тины и сырости, Ксюха уже задыхается...

Вдруг откуда-то с потолка, сверху, обрушивается нечто, с тонким писком падает на подоконник, подпрыгивает и с громким стуком захлопывает форточку.

Ксюха судорожно хватается ртом воздух, кашляет, мотает головой. За окном никого нет, а на подоконнике воинственно приплясывает маленькое мохнатое существо и грозит кому-то крохотным кулачком.

Ксюха медленно оседает на пол.

Глава 4

Страшная правда

Ксюха открыла глаза и медленно подняла голову.

– О-о-о! – Голова нещадно болела.

Ксюха обнаружила себя на полу у кровати, видимо, она ночью неудачно повернулась и упала. Ксюха села, держась за голову. В окне светало.

«Значит, уже утро, – догадалась Ксюха, – выходит, я все-таки спала... Приснится же такое! Вот что значит верить всяким сказкам! Ой! Шарахнулась неслабо!» – Ксюха нащупала шишку под волосами и расстроилась. Определенно, деревенская жизнь не шла ей на пользу.

Она снова покосилась на окно. Форточка была закрыта.

– Сквозняком ее захлопнуло, что ли? – вслух произнесла Ксюха. Она поднялась с пола и с опаской подошла к окну: никого. Тихая, пустая предрассветная улица. Вот закричал петух, потом еще один...

А что, если?.. Ксюха на цыпочках выскочила из комнаты и осторожно пробралась к печке. Заглянула в простенок.

Оба блюдечка были пусты.

Ксюха моргнула несколько раз. Ничего не изменилось. И тогда ночной кошмар вспомнился ей во всех подробностях. И мохнатое существо, захлопнувшее форточку...

– Спасибо тебе, бабушка домовая, – негромко произнесла Ксюха. – Ты не стесняйся, бери все, что у нас есть... Но если ты сам брать стесняешься, я тебе все равно буду вкусненькое оставлять... – Ксюха достала из буфета пакет с конфетами и щедро насыпала их в хлебницу. – Вот, бери сколько хочешь.

Она устало опустилась на стул и задумалась. Что с ней происходит? Так, пожалуй, и свихнуться недолго! Надо звонить родителям. Но что она им скажет?

В окно постучали. Ксюха вздрогнула. Неужели опять? Теперь что – наяву? Нет, не может быть, петухи пропели, уже рассвело.

За окном стояла Наташа.

– Не бойся, это я, – сказала она. – Выходи, поговорить надо.

Ксюха, как была, в одной футболке, вышла на крыльцо. Наташа тоже была одета кое-как: спортивные штаны и майка.

– Ксения, я вчера никак не могла вырваться, – быстро заговорила она, – а сейчас через окошко сбежала. Мать на меня вчера так орала – ужас!

– Зачем орала? – растерянно переспросила Ксюха.

– Затем, чтоб я не лезла не в свое дело. – Наташа нахмурилась. – Идем, покажу тебе Хаврониху, чтоб ты не думала, будто я вру.

Ксюха сунула ноги в шлепанцы и спустилась с крыльца. Наташа уверенно взяла ее за руку и потянула за собой.

– Куда мы? – спросила Ксюха.

– На кудыкину гору! – огрызнулась Наташа. – Смотри и помалкивай.

Она потащила Ксюху по сонной улице, потом они повернули и спустились по тропинке к луговине.

– Теперь тихо! – приказала Наташа. Ксюха и так молчала, но после Наташиного приказа даже дышать старалась через раз.

Наташа дернула ее за руку, и девчонки залегли в густом кустарнике.

– Смотри, – в самое ухо Ксении прошептала Наташа.

Ксюха уставилась во все глаза прямо перед собой и сначала ничего не увидела. Густая трава на лугу вымахала чуть ли не в человеческий рост. И вся она была покрыта росой. Ксюха давно уже вымокла, но не обращала на это внимания. Вдруг стебли травы всколыхнулись, и над ними появилась женская голова. Потом она нырнула вниз и исчезла.

По тому, как колышется трава, Ксюха догадывалась: женщина где-то там, она двигалась зигзагами, то останавливалась, то снова шла вперед.

– Она, – шепнула Наташа, – Хаврониха...

Ксюха лежала рядом с Наташей, ни жива ни мертва от страха. Сейчас ей больше всего хотелось оказаться дома, в городе, и чтоб никаких больше ночных кошмаров и странных расцветов, никаких свиней, ведьм и прочей чертовщины!

Между тем трава перестала шевелиться. Ушла Хаврониха?

Ксюха пошевелилась и хотела спросить Наташу – можно ли встать? Вдруг она услышала шорох и чье-то шумное дыхание. «Свинья! – Первое, что пришло ей в голову. – Та самая, или...»

– Подглядываете, паршивки?! – Чьи-то сильные пальцы внезапно больно вцепились в Ксюхино ухо, крутанули его, потянули вверх.

– Ой-ой-ой! – завопила Наташа. Ксюха, прикусив губу, сдержала крик, только слезы выступили у нее на глазах.

Она была высока ростом и все еще красива, в одной ночной сорочке, наброшенной на голое тело, с распущенными волосами, влажными от утренней росы... да, она была красива. Но ее лицо... глубоко посаженные пронзительные глаза, нос – всем хороший нос, но вместе с большим тонкогубым ртом он напоминал свиное рыло. А может, Ксюхе это лишь показалось? Ей теперь всюду мерещились свиньи.

– Теть Лиз, отпустите, – заныла Наташа, – мы ничего не видели!

– Так-так, – недобро усмехнулась Хаврониха, – кто это тут у нас? Неужели младшая Скоробогатова? Мало тебя отец с матерью драли? – почти ласково спросила она.

Ксюха не выдержала.

– Отпустите! – потребовала она, схватив Хаврониху за руку. – Вы не имеете права!

– Вот как? – Женщина наклонилась и заглянула Ксюхе в лицо. – А с тобой у меня разговор особый будет, – прошипела она, и глаза ее полыхнули зеленым. – Пошла вон! – прикрикнула Хаврониха на Наташу, отталкивая ее от себя.

Наташа отшатнулась и, прикрыв ладонью покрасневшее ухо, начала упрашивать Хаврониху:

– Теть Лиз, отпустите Ксению, она не виновата, ну пожалуйста!

Ксюха молча боролась с ведьмой, пытаясь высвободиться из ее цепкой хватки. Ей было непереносимо больно, по щекам текли слезы, но она не сдавалась. Злобная тетка вывела ее из себя, и вместо страха в ее душе проснулось обычное Ксюхино упрямство.

– Мы на вас в суд подадим! – пообещала она Хавронихе.

Женщина подняла голову и расхохоталась.

– Ксюха, молчи! – взмолилась Наташа.

– Я не собираюсь молчать! – завопила Ксюха и изо всех сил ударила ведьму по руке.

Наверное, Хавронья оторвала бы Ксюхино ухо напрочь, но вдруг кусты раздвинулись, и показался мужчина, обычный такой деревенский мужик, небритый, в кургузом пиджаке, брюки в сапоги заправлены, а на плече – коса.

Хаврониха нехотя отпустила Ксюхино ухо и уставилась на неожиданного свидетеля.

– Доброе утро, Игнат Палыч, – пискнула заплаканная Наташа.

Мужчина кивнул, буркнул что-то неразборчивое, метнул на них косой взгляд из-под густых бровей. Наташа схватила Ксюху за руку и потащила прочь. Ксюха едва поспевала за ней, да еще и ухо! – о, как болело ее многострадальное ухо!

Наташа тащила ее по задам, огородами. Запыхавшиеся, они наконец добрались до Наташиного забора.

– Все! Я тебя не видела, ты меня – тоже, – распорядилась девчонка.

– А как же... – Ксюха потрогала распухшее ухо.

– Считай, повезло, – ответила Наташа, – теперь ты все видела, так что мой тебе совет – уезжай!

– Но...

– Без «но»! – Наташа была так испугана, как будто только что избежала смертельной опасности.

– Почему ты ее так боишься? Достаточно заявление в милицию отнести, и ей сразу хвост прижмут.

– Ага, самая умная, да? – со злостью спросила Наташа. – Без тебя бы тут никто об этом не догадался?

– Не понимаю, – опешила Ксюха, – на нее уже подавали?

– Подавали, – угрюмо ответила Наташа, – да потом обратно бумагу забирали и еще и извиняться к ней ходили, кланялись. Поклонишься тут, когда она моего папку чуть со свету не сжила, а Мотылев вообще сгорел, вместе с трактором, – она обреченно махнула рукой. – А у Славки она невесту уморила...

– Убила, что ли?! – ужаснулась Ксюха.

– Убила... Не знает никто, что с ней стало. Но Хаврониха на свадьбу заявила и с невесты фату сорвала, та и хлопнулась замертво. Врача вызвали, туда-сюда – а она уж отошла.

– Кто? – не поняла Ксюха.

– Да невеста Славкина, – с досадой бросила Наташа, – а потом она из гроба пропала...

– Как пропала?! – Ксюха даже про ухо забыла.

– А так! Никто не знает, как! Только с той поры Славка запил и все время на реку ходит, когда в одиночку, когда с товарищами.

Ксюха вспомнила компанию угрюмых пьющих парней на берегу реки. Может, там и был этот Славка?

– Так что с Хавронихой у нас никто не связывается, себе дороже, – добавила Наташа.

– Да, но там же с ней остался этот, Игнат Палыч, – напонила Ксюха, – значит, не все ее боятся?

– Палыч – это совсем другое дело, – вздохнула Наташа, – он сам по себе. И еще неизвестно, кто из них кого посильнее будет.

– Что ж, выходит, он нас спас?

– Нужны мы ему! – невесело усмехнулась Наташа. – Так, случай...

– Наташ, ты все время говоришь загадками, объясни мне все наконец! – взмолилась Ксюха.

Наташа открыла было рот – и тут же вновь закрыла, уставившись на краешек солнца, поднимавшегося из-за горизонта.

– Блин, мать скоро проснется! Я побегу, а? Ты иди домой, лед к уху приложи, может, все обойдется...

И Наташа быстро перемахнула через забор и побежала к своему дому.

Расстроенная Ксюха постояла, держась за ухо, и поплелась к себе.

Глава 5

Порча, сглаз и другие неприятности

Из зеркала на Ксюху смотрела заплаканная растрепанная девчонка. Правое ее ухо опухло и покраснело, причем краснота распространилась уже на висок и щеку. Девочка осторожно ощупала его. Многострадальное ухо горело, кое-где на нем остались следы запекшейся крови. Ничего хорошего. С таким ухом невозможно показаться ни бабушке, ни родителям.

Хорошо, что еще очень рано и бабушка спит.

Ксюха, стараясь не шуметь, нашла в аптечке перекись водорода и промыла глубокие царапины на коже. Наскребла в морозильнике льда, приложила к уху, тихонько заскулила от боли. Лед быстро таял, а запасов его не было. Ксюха налила воды в формочку для льда, поставила ее в морозилку и туда же положила мокрое полотенце.

В ухе дергало и стреляло, боль отдавала в голову. Лед, как назло, не замерзал. Пришлось ей удовлетвориться холодным полотенцем. Ксюха обвязала голову и решила пока полежать, авось все пройдет, а бабушке она что-нибудь соврет – мол, упала, ударилась...

Едва ее голова прикоснулась к подушке, как Ксюха провалилась в сон. Она шла сквозь пламя, было очень жарко, языки огня лизали ее кожу, трескали волосы, было нечем дышать. Ксюха попыталась кричать, но дым набился в горло, и она поняла, что умирает...

А пламя безжалостно наступало, оно хватало Ксюху раскаленными руками, перекидывало ее с ладони на ладонь, играло ее сожженным телом, как мячиком... Вот языки пламени всколыхнулись, сплелись, вспучились огненным пузырем, и приблизилось к умирающей Ксюхе гигантское лицо: тонкогубое, ухмыляющееся, глаза – искры, волосы огненными змеями выются, и не лицо это вовсе – рыло, свиное рыло! Распахнулась пылающая пасть, оскалилась, захохотала, смех прозвучал зловещими раскатами. Подкинула Ксюху-уголек на ладони, а на другой ладони – оплывающей свечой стоит девушка в белом платье, только оно не белое давно, пожухло, пожелтело, тлеет, рассыпается ткань, и обрывки кружев рассыпаются пеплом. А девушка словно не замечает ничего, стоит, вытянувшись стрункой, руки на груди сложила, глаза – два провала, неживые.

Краем ускользающего сознания Ксюха успела зацепить что-то, силуэт или тень, а потом на нее обрушился поток холодной воды, невыносимо запахло гарью, и Ксюха упала, хватая ртом воздух. Жуткий звериный визг пронзил ее всю, от макушки до пяток, лишил последних капель рассудка...

Чья-то рука тронула ее за плечо, и женский голос сказал:

– Вставай, вставай, милая, здесь нельзя оставаться!

Ксюха приподняла голову и увидела старушку в темной одежде, а на плече у нее сидел пушистый серый зверек – не зверек, непонятно кто. Зверек сцепил лапки перед грудью и смотрел на Ксюху с состраданием.

– А я знаю, кто вы, – сказала Ксюха.

Старушка улыбнулась.

– Вы – баба Люба, а это ваш домовой. Здравствуйте, – поздоровалась с ними Ксюха.

– Идем-ка, – велела баба Люба. И Ксюха самостоятельно поднялась и пошла за ней. Домовой все крутился на старушкином плече, оглядывался и махал лапкой.

Они миновали пожарище и вышли к заболоченному ручью. Баба Люба указала на ветхий мостик:

– Иди туда, там тропинка, не собьешься.

Ксюха не пошевелилась, она смотрела во все глаза на свою чудесную спасительницу и ее питомца.

– Поторопись, – мягко, но настойчиво проговорила баба Люба.

– Как мне вас отблагодарить? – спросила Ксюха.

Баба Люба улыбнулась:

– Не стоит благодарности. Ты Митрошку моего не забыла, на том тебе спасибо. – Она погладила домового по шерстке. – А если и правда отблагодарить меня хочешь, иди к Игнату, пусть он вернет то, что ему не принадлежит. Скажи, я велела.

– Спасибо вам, – Ксюха неловко поклонилась, – и тебе, Митроша, спасибо, – поблагодарила она домового.

А потом как-то так само собой получилось, что Ксюха оказалась на мостике. Посмотрела вниз, на темную болотную воду, и увидела ту самую девушку. На самом дне она лежала, то ли спала, то ли мертвая... волосы, как водоросли, глаза закрыты. Ксюха испуганно обернулась, хотела позвать бабу Любу, но та уже исчезла.

Только голос ее еще звучал в голове: «Иди, тебе нельзя здесь долго...» Но как же можно бросить эту девушку? Ей же надо как-то помочь! Ксюха склонилась над водой, заглянула, прикидывая, глубоко ли?

Девушка открыла глаза, они были живые, и такая мука читалась в них, что Ксюха подавалась вперед, протянула руку.

– Помоги мне! – глухо донеслось из-под воды.

– Сейчас, сейчас! – воскликнула Ксюха. – Давай мне руку! Поднимайся!

– Не могу, – ответила девушка.

Ксюха собралась было прыгнуть к ней, но девушка снова заговорила:

– Нет, нет, тебе нельзя здесь! Найди меня, слышишь? Найди! Мне недолго осталось.

Время! Время! Торопись...

Вода вспенилась, забурлила, муть поднялась со дна, и девушка пропала.

Ветхий мостик качнулся, Ксюха отшатнулась от края. Кто-то тащил ее, помогая устоять на ногах. Все вокруг бледнело, рушилось, расползалось гнилой тканью.

– Быстрее, быстрее! – умолял ее чей-то тоненький голосок.

Ксюха из последних сил рванулась, прыгнула, но вместо ожидаемого удара тело ее провалилось во что-то мягкое, и ее окутала темнота.

Глава 6

Колдовство

Сначала она увидела свет. Совсем тонкую полоску... Свет подрагивал, но не исчезал, и только через некоторое время Ксюха поняла, что свет проникает через ее прикрытые веки, и распахнула глаза.

– Наконец-то! Слава богу! – услышала она знакомый голос и сразу же увидела лицо склонившейся над ней бабушки.

Лицо у нее было встревоженное.

– Ба? – позвала Ксюха.

– Я здесь, детка, здесь, – обрадовалась бабушка.

Послышались и другие звуки: кто-то двинул стул, шаркнули чьи-то шаги, кто-то всхлипнул совсем рядом. Ксюха повернула голову. У ее кровати стояла незнакомая женщина в белом халате. А рядом, на табуретке, поджав ноги и ссутулившись, сидела Наташа.

– Что случилось? – с трудом ворочая непослушным языком, спросила Ксюха.

Женщина решительно шагнула к ней, отстранила бабушку, и та послушно отступила.

Женщина строго спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально вроде, – не очень уверенно ответила Ксюха, не понимая, откуда взялась эта женщина и почему на ней белый халат. Врач, что ли?

Тем временем женщина деловито потрогала Ксюхин лоб, посчитала пульс, попросила ее открыть рот, взглянула, покачала головой. Велела поставить градусник. Ксюха послушно сунула его под мышку.

– У тебя что-нибудь болит? – не отставала женщина.

– Нет, – честно призналась Ксюха, но на всякий случай прислушалась к себе, – нет, – подтвердила она.

Женщина вздохнула, пожала плечами и отступила от кровати.

– Ничего не понимаю, – сказала она бабушке, – возможно, девочка получила тепловой удар...

– Так ведь с утра это у нее началось, – напомнила бабушка. А Наташа снова всхлипнула.

Врач снова повернулась к Ксюхе, начала расспрашивать ее о месячных, потом о том, что она вчера ела, ощупала ее живот, послушала грудь через стетоскоп, даже давление Ксюхе измерила.

– Сейчас все в норме, – сдалась она, – вообще у подростков это бывает: вегетососудистая дистония, трудности роста, гормональный бунт...

Бабушка кивала согласно. Наташа не поднимала головы.

– Да объясните же мне, что случилось! – не выдержала Ксюха.

– Детка, – встрепенулась бабушка, – как же ты нас напугала! Ведь я тебя утром не могла добудиться, ты была вся в жару, бредила! О господи! Я и родителям твоим не могла позвонить, проклятый телефон не берет, и все! Спасибо соседям, надоумили меня обратиться к Надежде Алексеевне, – и бабушка с благодарностью взглянула на женщину в белом халате.

Та развела руками:

– Вам, конечно, в район надо, в поликлинику, я же не врач, я простой фельдшер...

– Ой, мы вам так благодарны, так благодарны! – зачастила бабушка. – Вот родители ее приедут, так мы сразу же и отправимся. Своим ходом я боюсь, все-таки жарко очень.

Надежда Алексеевна согласно кивнула:

– Да, сейчас никакой опасности нет, можно повременить, но к врачу обратитесь обязательно.

Бабушка мелко-мелко закивала. Надежда Алексеевна пожелала Ксюхе здоровья и удалилась, сопровождаемая бабушкой.

Ксюха посмотрела на Наташу. Та почему-то замотала голову платком.

– Что тут происходит? – спросила шепотом Ксюха.

Наташа подняла голову и так же шепотом спросила:

– Где ты была?

– Здесь, – не поняла Ксюха.

Наташа ей явно не поверила.

– Твоя бабушка бегала, как заполошная, по всей деревне, ты же тут в бреду металась!

– Я?! – Ксюха все еще не верила.

И тогда Наташа сорвала с головы платок и откинула за спину волосы. Ее левое ухо!

Ксюха вскрикнула.

Наташино ухо заметно увеличилось, вытянулось вверх и покрылось щетиной.

– Видишь?! – И Наташа залилась слезами.

– Как это?! – только и смогла произнести Ксюха. И ее рука невольно потянулась к голове. Ее ухо! Оно – тоже?!

Наташа заметила.

– Нет, у тебя ничего, все в порядке. – Она всхлипнула. – Проклятая ведьма! – Наташа сжала кулаки. – Никакой управы на нее нет!.. Послушай! – вдруг горячо заговорила она. – Ведь Хаврониха тебя чуть не убила, но с ушами у тебя все в порядке, и болезнь внезапно прошла. Я потому и спросила – где ты была? Где? Когда в жару металась, что видела?

Ксюха припомнила раннее утро: как она пришла домой, как увидела свое отражение в зеркале... а потом? Потом был огонь...

Ксюха резко села на постели.

– Баба Люба! – воскликнула она.

– Что?! – У Наташи округлились глаза.

– Там был огонь и Хаврониха! Я помню! Точно! Здоровенная такая! Она меня сжечь хотела, но тут появилась баба Люба с домовым Митрошей и прогнала ее. Там еще девушка была, в белом платье... Наташ! – Ксюха встала. – Наташ, я все вспомнила! Я знаю, что надо делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.